

Что мы знаем о битве за Москву, одном из ключевых сражений Великой Отечественной войны? В основном то, что написано в школьных учебниках истории: о 28 героях-панфиловцах, преградивших путь немецким танкам, об отважной партизанке-комсомолке Зое Космодемьянской, о лётчике Викторе Талалихине, протаранившем в подмосковном небе вражеский самолёт... И почти ничего – о курсантах подольских училищ (артиллерийского и пехотного), заступивших на оборонительные рубежи 6 октября 1941 года у села Ильинского Калужской области.

Будущим офицерам был дан приказ любой ценой сдерживать натиск врага на обозначенных позициях до прихода подкрепления. Три с половиной тысячи мальчишек, в распоряжении которых винтовки, гранаты, учебные артиллерийские орудия да пушки времён турецкой войны конца XIX века, сухой паёк на три дня против хорошо обученных немецких солдат, вооруженных до зубов. Держать удар предстояло минимум неделю.

Через пять дней осталась треть курсантов, ценой жизни уничтожены два десятка вражеских тан-

ков, несколько броневиков, сотни немецких солдат. Но ад продолжался. 13 октября в тылу заместили 15 танков с красными флагами. Машины не советские, гитлеровские. Курсанты на хитрость не купились. Они уничтожили танки, выполнили приказ.

К утру 17 октября молодые бойцы отошли к Лукьяново. Посчитали потери. Оказалось, в живых остался только каждый десятый. Среди них – лейтенант Николай Дикарёв. После окончания учёбы он громил фашистов под Ленинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и Польше. Особенно часто он вспоминал тяжелейшие бои под Бобруйском.

Трудно сосчитать, сколько щемящих душу воспоминаний фронтовиков пришлось выслушать мне за полвека журналистской работы, и почти каждый из них с гордостью называл примеры такой вот солдатской взаимовыручки, которая наряду с мужеством и массовым героизмом всего советского народа стала главным условием Великой Победы.

Николай Михайлович не любил вспоминать войну, при упоминании о ней сразу же переводил разговор на другую тему. Или раз за разом перечислял иногда имена боевых товарищей.

Он не рассказывал, сколько ран на сердце оставили известия о смерти однополчан. Одно могу сказать точно: война закалила его, научила ценить каждый миг. И он не тратил время на пустые беседы, всегда говорил, что думает, напрямую, пусть даже человеку его слова не очень-то нравились.

После того как наш фронтовик ушёл в мир иной, я встретился с его сыном Владимиром Николаевичем. В разговоре посетовал на скудость военных воспоминаний отца.

– Письма тех огненных лет почитать бы, – говорю, – ведь писал же он из мест сражений родителям, любимой...

– Конечно писал, – прервал мою мысль собеседник, – только из переписки с мамой всю его фронтовую биографию можно изучить.

И вот в моих руках эта солидная пачка пожелтевших исписанных знакомым почерком листочков вперемешку с почтовыми открытками, рисунками и плакатами патриотического содержания. Адрес получателя: полевая почта 70425, Лидия Кислякова, а отправителя – полевая почта 54303-с, Николай Дикарёв.

01.07.43 г.

Здравствуй, моя дорогая Лидя!!!

Шлю тебе боевой привет с фронта, желаю счастья в жизни и успехов в работе. Сегодня получил твоё письмо, за которое сердечно благодарю. В ответ пишу пока открытку, а все остальное – в письме. Потому что сейчас писать его некогда, так как выполняю срочное боевое задание. Здесь у нас за-

тишь, ничего пока бывает обычно перед грозой. О себе писать нечего: пока все по-старому.

С приветом, твой друг Николай.

11.07.43 г.

...Сейчас у нас очень жарко. Даем фрицам жизни. Командую батареей. Хлопцы работают хорошо. Настроение замечательное. Чувствую себя превосходно. Как получишь фотокарточку – сообщи.

05.08.43 г.

Здравствуй моя дорогая Лидя!!!

Вчера получил от тебя сразу три письма. Написаны они в разное время, но содержание их одинаково. После долгих переездов и скитаний они являются для меня большой радостью. Ты пишешь, что у вас тоже начался концерт. Я являюсь участником такого большого концерта уже около месяца. Мы прошли уже более 150 км. Были хорошие дни и плохие. Сначала мы фрицам дали такого жару, что еле успевали за ними ехать! Потом они немного опомнились. Начали массово применять самолеты. Но все же они отступали и отступают, так как у нас много артиллерии, танков и самолетов. Трофеи были большие. И покушать, и одеться. Но есть и потери. Убиты мои друзья по оружию. Вовка Локтев и Василий Елфимов. Первый учился со мной в Сергаче. Да ты, наверное, его знаешь. Погиб героически. Ранено 9 хлопцев. К награде представлены 15. По-работали мы неплохо.

09.08.43 г.

...Наш отдых кончился. Снова гоним фрицев дальше от Орла. Сопротивляются неважно. Это уже битые фрицы стоят против нас. Вчера разбило у меня одно орудие, а орлы мои все невредимы. Хлопцы дерутся хорошо, с азартом. Вчера разбили 6 броневиков, уничтожили до 200 солдат и офицеров. Мы мстим им за все. Я же – за тебя и мои раны.

Из дома сообщили, что Саша Кузнецов погиб. В Сергаче все очень дорого, но мои родственники ни в чем не нуждаются.

У нас в части есть девушка Вера. Она все время с нами. Очень храбрая: у нее орден Красной Звезды на гимнастерке.

15.08.43 г.

Сейчас я – офицер связи. Ты, наверное, знаешь, что это такое. Отдых наш кончился уже давно, и мы снова в боях. Успешно наступаем. Скоро город Карачев будет наш. Фрицы бегут. Здорово им дают жизни наши Илы, «катюши» и танки. Теперь я при штабе части. Живу хорошо. Немного утомляют частые переезды, все время двигаемся. 3 дня назад у меня ранило 4 орлов, один умер.

<...> Лида, только через двое суток нашлось время, чтобы дописать письмо. Поверь, что за это время мне столько пришлось переезжать, что не нашлось свободной минуты. Сейчас мы ушли далеко вперед. Воюем весело. Фрицы бегут, бросаю всё, даже раненых. Трофеев и пленных много. Мы двигаемся без потерь.

За эти два месяца у нас наградили и уже прислали списки на 72 бойцов. Пока их не объявляли.

Меня скоро примут кандидатом в члены партии.

Из дома письма получаю редко. Папа пишет, мол, кончайте воевать быстрее и приезжайте – дома для вас все готово.

Может быть, ты знала Кольку Бугрова. Это мой товарищ. Мне папа сообщил, что он ранен в грудь и правую руку. Мы с ним вместе добровольцами пошли на фронт, лежит он в Иванове. Получил недавно письмо от Витьки Пугина. Воюет. Уже был ранен.

Пишу тебе, то и дело глядя на дорогу, по которой ведут фрицев. Недавно я с ними разговаривал. Многие из них рады, что попали в плен, и все лепечут: «Гитлер капут!». Смотришь на них и думаешь: «Какая же подлая у немца душа. Нет у них силы воли. Они боятся за свою шкуру, чужая расплата за все злодеяния».

Читаю газеты фрицевские. Кое-что понимаю. У них свое видение на все.

Дело к вечеру. Наши орудия уже не достают до фрицев. Бьем на 12,5 км. Скоро снова передвигаться вперед километров на 8. Ждем приказа. Вот пока и все, моя дорогая.

16.08.43 г.

Сегодня мы вышли из боя. Во время марша потерялся один офицер, искать которого приказано мне. Я попытался сделать это, но не нашел. По возвращении мои орлы вручили мне твои письма и радостно сообщили, что Карачев взят. Бои за него были жаркими.

Сейчас ребята пошли на концерт, а я остался, чтобы спокойно ответить на твои письма.

Да, Лида, картина разрушенных, опустошенных городов и селений мне известна. Но мы удачно бьем фрицев. И у ребят настроение хорошее.

19.08.43 г.

Сейчас мы почти не деремся, а еле успеваем догонять фрицев. Проходим по безлюдным пепелищам, так как на пути своего отступления они все сжигают и взрывают. Новостью стало то, что все дороги, деревни, огороды заминированы. Но на их минах рвутся лишь немногие неосторожные люди. Даже собранный урожай и то сжигают. Население угоняют с собой.

Живем хорошо. Обеспечены всем. Да, еще новостью на нашем участке является то, что против нас действуют власовцы (ты, наверное, знаешь, кто они такие), но вояки они еще хуже немцев, как удалят наши, так и в плен сдаются.

08.10.43

Я не писал тебе с полмесяца: не было ни минуты свободного времени и подходящих для этого условий. Мы все время в движении, наступаем очень быстро – до 30 км в сутки. Освобождаем родную Белоруссию. Вот уже третий день, как мы остановились на берегу реки. Гансы – на другом берегу, совсем близко. Но это временное явление. Скоро мы опять пойдем вперед. И чем быстрее, тем лучше. Ближе к концу этого дела ближе и быстрее к нашей встрече.

Живем мы замечательно. Покушать есть чего. Погода стоит хорошая. Деревни в большинстве случаев целые. Население встречает приветливо. Но фрицы все же сопротивляются. Есть потери, и чувствительные. Людей, с которыми начали наступать, уже мало. Вчера еще ранило двоих.

Читая твои письма, вспоминаю тебя всю, но еще лучше и приятнее было бы, если б у меня была твоя фотокарточка. Я смотрел бы на нее в горестные минуты – и мне бы легче стало.

15.10.43 г.

Вчера погиб мой друг, с которым воевал вместе 5 месяцев. Это был такой кошмар, какого я еще не видел за все время своего пребывания на фронте. Наше продвижение вперед приостановилось.

16.10.43 г.

Известие о смерти Мишеньки Кокурина для меня очень неприятно. Мы вместе учились 10 лет, и он – мой хороший друг. Мы с ним встречались в Коломне в ноябре 1942-го. Он тогда только училище окончил. Отбыл на фронт после меня. И вот его уже нет. Тогда же я встречал еще Шурку Лысихина и Вовку Померанцева...

23.10.43 г.

Блиндаж на берегу чудесной белорусской реки. 15:00. Здравствуй, моя дорогая Лида! Вчера вечером у меня было очень счастливое время: я получил от тебя сразу 3 письма, написанные 30.09, 03.10 и 07.10.43 г. Из них я узнал много новостей и был беспредельно рад. Ты пишешь, что тоже скоро будешь на белорусской земле. Значит, мы не так уж далеко друг от друга.

10.11.43.

Лида, почему нет от тебя писем?

Я живу, как и прежде. Ко всему худшему прибавилось еще то, что стало очень холодно.

16.11.43 г.

Вчера получил твое письмо, написанное 21.10.43 г. Видишь, как долго оно шло. Значит, и от меня к тебе так же долго идут.

Сейчас сижу в крепком и теплом блиндаже. Ночь уже, но у нас светло: керосина хватает. Продвижение наше пока закончилось – стоим в обороне. На нашем участке затишье – разведка и артиллерийско-миномётная перестрелка.

Должность у меня прежняя, часть тоже. А люди уже другие. Старичков, с которыми начинал наступать, уже нет. Так бы всё ничего, но плохо, что нет табаку, без него здесь очень скучно.

Из дома недавно получил три письма. Из Сергача до меня письма идут только 7 суток. Пишут, что живут хорошо. Тая, моя сестренка, уже большая – учится в 6-м классе.

Отсюда многие едут в отпуск. Возможно, и мне придется. Это было бы большим счастьем. Лида, для меня тоже было бы большим счастьем, если бы ты прислала мне свое фото.

15.01.44 г.

Сейчас мы стоим на отдыхе после упорных боев за Белоруссию. Время свободное, хотя и мало, но есть. 10 часов занимаюсь с хлопцами – готовимся заканчивать войну. Только что завершил занятия и решил написать тебе пару слов. Ты спрашиваешь, почему нет моих писем? Да, я не писал тебе ровно месяц. В эти дни мы были в постоянном движении, а время-то зимнее, сама знаешь, какие тут условия для написания писем у солдата в движении зимой.

22.01.44 г.

У нас уже около часа ночи, а спать не хочется. Немецкий пулемет стрекочет, будто над самым ухом. Но мы к этому уже привыкли и не обращаем внимания.

Меня тоже удивляет то, что мое письмо идет до тебя порой целый месяц. Неужели мы уж так далеко друг от друга? Ты напиши мне, кто командует вашим фронтом или армией, и мне будет все понятно. Нашим фронтом командует Рокоссовский. Находимся мы пока еще на левом берегу Днепра, но в скором времени будем на правом. А пока стоим в обороне.

07.02.44 г.

Я предполагаю, что ты сейчас где-то под городом Ровно, у знаменитого Ватутина!

28.02.44 г.

Сейчас наступаем. Без особых потерь форсировали Днепр. Остальное по-прежнему.

02.03.44 г.

Сразу отвечаю на твои вопросы. Никакого испытания тебя тем, что от меня не было писем целый месяц, я не имел в виду. И очень хорошо уверен, что мы искренние друзья. И от того, что мы редко получаем письма друг от друга, прочность нашей дружбы не зависит, хоть нас разделяют тысячи километров разоренной немцами земли.

А насчет дружбы моей с кем-то, по словам твоих подружек, – это просто ерунда и домыслы ветреных девчонок, которые, находясь в тылу армейском, только и думают о «любви». Нужно подумать, в каких условиях я нахожусь, а потом говорить об этом.

Да, у меня здесь, признаться, есть даже 4 любимых, кроме тебя. А зовут их всех пушками, ухаживаю я за ними со своими орлами очень усердно, но пусть ревнуют за мою любовь к ним немцы, которым от них немало досталось, а не ты, так как их безотказная работа только приближает час нашей встречи.

Фотокарточку твою я получил. Ну а насчет ее характеристики можешь не скромничать, так как я знаю тебя не по карточкам. А может, этими словами ты намекаешь на то, что, мол, для тебя не хороша, ищи другую. Нет, не выйдет. Ты можешь меня не уважать, но я тебя любил, люблю и буду любить.

А теперь о себе. Работаю на прежней должности. Сейчас наступаем. Без особых помех, но героически, за что 7 моих орлов представлены к правительственным наградам. Успешно продвигаемся вглубь Белоруссии. В этих боях мы потеряли много офицеров.

Здесь уже пахнет весной. Плохо, что нет писем из дома и от тебя.

23.04.44 г.

Лида! В чем дело? Почему нет писем?! У меня все хорошо. Мы замечательно отдохнули. А теперь снова в бой. Пока, моя дорогая!

07.07.44 г.

Лида, обо мне не думай ничего плохого. Я жив и здоров, участвую в великом сражении. Мы брали Бобруйск, и в названии дивизии нашей теперь имя этого города.

Однажды в составе изрядно потрёпанной противником группы бойцов я пробирался к своим, совсем не подозревая, какая беда поджидала меня и моих товарищей: всего в нескольких километрах навстречу нам двигалась вражеская автоколонна с вооруженными до зубов гитлеровцами. Мы узнали об этом от своего связиста, случайно пойманного радиоволну с разговором двух летчиков. Один из них, не шифруясь, прямым текстом докладывал: «В квадрате 43-16 вижу группу наших бойцов, а прямо на них движется автоколонна фрицев. Без нашей срочной помощи они наверняка погибнут».

После этого краснозвёздные крылья незамедлительно доставили смертоносный груз в заданный квадрат – и уничтожили врага с воздуха. Поравнявшись с этим огненным местом, мы увидели лишь догоравшие останки чужих машин и тел. Осознав, благодаря кому остались живы, мы долго-долго с благодарностью смотрели в затянутое гарью и дымом небо, словно надеясь хоть на мгновение увидеть в облаках своих спасителей.

Сейчас на пути движения повсюду видим разгром немцев. Настроение от этого хорошее, значит, близок конец войны и долгожданный день нашей встречи.

10.07.44 г.

Воюю в Западной Белоруссии. Это значит, недалеко от тебя. Вот эту новость я и спешу тебе сообщить. По газетам ты знаешь, что мы активно наступаем. Сейчас мы уже за Барановичами.

11.07.44 г.

От домашних письма получаю очень редко. Наверное, в связи с нашим стремительным наступлением на запад. Сейчас мы воюем недалеко от нашей границы, в Западной Белоруссии. Здесь новые люди и новые порядки в смысле культуры общества и технического воспитания. Сразу заметно, что люди воспитывались не в советском обществе. И отношение населения к нам совсем иное, чем было в Советской Белоруссии.

13.07.44 г.

Лида, помнишь наши школьные годы, когда мы были вместе, смотрели друг другу в глаза, делились мнениями, мечтали быть большими людьми. Знаешь, наше юношество в то время воспитывалось на очень высоких и мечтательных идеях. Все хотели (и на это было дано право) быть врачами, профессорами и инженерами. Правда?! И многие стали такими людьми, но нам помешали немцы, и они испортили нашу жизнь, они разлучили нас, помешали нам закончить свое образование.

Помнишь лето 1941 года, испытания за 10-й класс, получение аттестатов, и вдруг, как снег на голову, – война!

И какова же действительность? Большого человека, героя из меня не получилось. Несмотря на то, что я воюю вот уже третий год, несколько раз представлялся к награде, но до сих пор не награжден, а есть у нас люди, которые меньше перенесли трудностей, находятся в тылу и награждены. Ты думаешь, что, может быть, я плохо воюю? Нет – это потому, что я не могу жить с начальством, плохо дисциплинирован. Помнишь, еще в школе дисциплина у меня хромала, а с оценкой «отлично» она была лишь потому, что я учился на «отлично».

19.07.44 г.

Привет из Западной Белоруссии. Вчера вечером услышал по радио, что вы начали наступать. Очень рад этому сообщению, так как оно приближает конец нашей разлуки. Вот внимательно наблюдаю за шоссе, по которому началось очень сильное движение на запад.

07.09.44 г.

Сейчас мы быстро движемся к Варшаве и уже форсировали Нарев. Пишу в немецкой траншее, что на самом берегу реки. Кругом все шумит, рвутся мины и снаряды. Скорее всего скоро снова в бой.

16.09.44 г.

Наш НП на правом берегу реки Нарев. Лида! От тебя не более 100 километров! Очень надеюсь на самый скорый конец такой жизни, так как после этого мы будем вместе.

19.09.44 г.

Вчера получил твое письмо, из которого узнал, что мы, оказывается, совсем близко друг от друга. Ох! Если б была случайная встреча на фронте. Я не представляю, какая бы это была для меня радость.

22.09.44 г.

120 Скоро полночь. Я пришел из кино. Смотрели «Воздушный извозчик». Ничего – мне понравилось, хотя до конца досмотреть так и не удалось – аппарат сломался. Представь себе – культурный польский лес, весь избитый немецкими снарядами и наполовину спиленный русскими солдатами. Темно по-осеннему. Ежеминутно слышны залпы вражеской артиллерии. Кругом друзья-офицеры, солдаты и военные девушки. Многие из них на пару. Они счастливы. Я же один и, смотря на счастье любви в картине, думаю: когда же она будет около меня, и я буду счастлив?..»

25.09.44 г.

Сейчас утро. Часы показывают 9:40, мы позавтракали, кругом тихо, делать нечего и все надоело, так как оборона; и я решил написать тебе пару «внеочередных» слов, потому что от тебя вот уже более 10 дней нет писем, а знаешь, как долго это кажется при безделье. Но я уверен, что ты меня не забыла и я их буду получать.

12.09.44 г.

Привет из Польши! Ты удивишься этим словам, я ведь знаю, что ты тоже в Польше. Говорю это для обоюдного понимания. Сегодня за завтраком мне принесли два аккуратненьких письма от тебя, которым я беспредельно рад...

02.10.44 г.

Твое сегодняшнее письмо шло до меня всего 8 суток! Значит, с каждым днем все короче становится расстояние между нами и близится наша долгожданная встреча.

Кинокартину «Жди меня» я тоже смотрел и полностью согласен с твоим мнением о ней. Кто верит – тот непременно дождется.

12.10.44 г.

Ты, наверное, читаешь в газетах, что на плацдарме за Наревом развернулись жестокие бои. Я являюсь их участником. Немцы лезут напролом, но мы уже сломали им хребет.

14.10.44 г.

Спрашиваешь, как живу? Да как обычный фронтовой офицер, на долю которого выпала участь встречаться с немцами вплотную. Ежедневно грохот, шум, трескотня пулеметов...

25.10.44 г.

Сегодня вместе с обедом принесли мне сразу два твоих письма. Извини, что не писал дней 15, так как мы вели очень тяжелые бои за плацдарм, а недавно перешли в контрнаступление, и теперь, хотя медленно, но двигаемся вперед. Сейчас сижу во фрицевском блиндаже и при свете фрицевской свечи пишу тебе, моя дорогая!

14.02.45 г.

Дорогая Лида! Шлю тебе пламенный привет из Восточной Пруссии. После долгого перерыва решил тебе написать. Поводом послужило то, что я сегодня прочитал в газете: Пухов, а значит и ты, находится уже за Одером. Поздравляю тебя с этой победой и завидую, что ты в Берлине будешь первой. А мы еще с горем пополам только Вислу форсировали.

10.03.45 г.

Это письмо пишу из госпиталя (г. Швец), но прошу не беспокоиться, так как раны мои не опасны. Ранен я был 4 марта в боях недалеко от Данцига – осколком в правую руку и левую ногу. Это письмо написано рукой моего товарища, так как сам писать пока не могу.

Растраивать любимую подробностями о своем ранении Николай не хотел, но в послании отцу рассказал все как мужчина мужчине.

02.05.45 г.

Здравствуй, мой любимый папочка!!! Поздравляю тебя с праздником 1 Мая и нашими всякими успехами – Знамя Победы над Берлином уже вьёт-

ся, предвещая конец войны в ближайшие дни. Папа, извини, что я пишу тебе на второй день праздника: вчера не было времени – у нас был хороший вечер у знакомых сестёр.

Ты, наверное, не узнаёшь моего почерка. Он изменился, потому что я только несколько дней назад начал писать, а рука до сих пор ещё дрожит.

Тебе, думаю, ясно, что пишу из госпиталя. Это первое письмо, которое пишу сам, а до этого мне помогали сёстры. Постараюсь подробнее рассказать о своем ранении, ведь я обещал тебе сделать это при первой возможности – сейчас она есть. Ранен я был 4 марта в 10-м часу вечера.

Представь себе культурный сосновый польский лес, весь избитый нашими и немецкими снарядами. Мы сидели около блиндажа и весело беседовали о том, как полчаса назад со своим другом Ф. Сучковым отбили контратаку немцев.

Вдруг – бах!!! Очнулся я, лёжа на спине. Во круг товарищи! Сразу почувствовал боль в правой руке и ногах. Хотел приподняться и уйти в блиндаж, пока очередная мина не прилетела, но не мог: боль в ноге повалила меня обратно. Но всё же я ползком добрался до блиндажа.

Прибежала сестра и начала перевязывать. Через час пришла автомашина из моей батареи, и нас отвезли прямо в медсанбат. Мой лучший фронтовой друг, тоже комбат, Ф. А. Сучков здесь не выдержал операции и умер на другой день. Это для меня был очень тяжелый удар! Вот так, папочка, одной миной покалечило шестерых из нас, трое умерли, а я остался жив, видимо, так тому суждено было быть, – счастье.

Порой даже удивляюсь, как это до сих пор я живой – ведь в каких только переплётках не побывал... Ну здесь-то, думаю, капут, но нет – опять отделался очень легко. И на этот раз то же самое.

В медсанбате мне сделали операцию. Вынули осколки: один из левой ноги, другой – из правой, третий – из правого плеча, а мизинец правой руки ампутировали под основание. Всего в меня попало 6 осколков. Один маленький чуть в глаз правый не попал – сейчас он зарос около глаза, но не подумай, что глаз повреждён – оба целы. Один осколок попал в бороду, но я его сам вытащил, сейчас это место заросло, почти не заметно. Очень больно было, когда разрезали правую ногу, чтобы вынуть осколок. Всего резали в четырёх местах. Если сложить размеры всех ран, то общая длина составит 40 см. На левой ноге и правом плече всё зажило. Лечиться придётся еще месяц. Папа, ты не подумай, что я калека – нет! Ранение моё лёгкое, даже ни один осколок не попал в кость, а только в мягкие ткани. Я вполне способен к физическому и умственному труду. Руки мои целы, если не считать мизин-

ца, ноги – тоже. Правда, 19 суток не мог ходить, но сейчас передвигаю ноги свободно, не хромяя.

Сейчас мы на берегу Вислы. Город совсем целый, живёт полной жизнью, даже трамваи уже ходят. Магазинов и ресторанов больше, чем нужно. Цены на всё высокие, но купить есть чего. Например, хромовые сапоги стоят 4 тысячи злотых (рублей по-нашему). Каждый день ходим в город, праздник справили хорошо. И живу хорошо. Признаться, папа, я счастлив. Ведь Берлин-то взяли, чудовищная бойня кончается. А в таком виде остаться после войны, как я сейчас, – это считаю лучшим счастьем. Ведь мне 22 года! Прошу тебя хранить аттестат об окончании средней школы. Я приеду к тебе, и надеюсь, что ты поможешь мне доучиться и стать человеком.

Папа, прошу тебя, объясни всё это маме и скажи, чтобы не беспокоилась, так как со мной всё в порядке.

До сих пор я еще не получал от вас писем. Жду его от тебя с описанием всех сергачских новостей. Крепко обнимаю и целую – горячо любящий тебя сын Николай.

15.03.45 г.

Здравствуй, моя дорогая Лидочка! Эту открытку пишу из госпиталя. Положение мое улучшилось, чувствую себя хорошо. Как только возможно будет писать самому, опишу все. Крепко целую. Николай.

09.05.45 г. г. Торн

Прими мой победный пламенный привет и массу наилучших пожеланий в твоей настоящей и будущей жизни! Лидка! Я пишу тебе в такой поздний час потому, что сегодня у меня, да и у тебя тоже, великая радость! В 3 часа ночи нам сообщили о полной капитуляции Германии!!! Лидочка! Ведь это конец!!! Милая моя!!! Я этот день буду считать днем начала нашей встречи, так как я теперь имею сто шансов на встречу с тобой!!! Лидка! Я счастлив, так как прошел через все невзгоды четырех лет этого кошмара и остался способным к умственному и физическому труду!!!

У меня все хорошо. В госпитале пролежу еще с месяц.

Будешь уезжать из Германии, прихвати с собой побольше вещей, так как первое время я тебя обеспечить не смогу, потому что буду учиться, чтобы иметь профессию, а сейчас, кроме профессии убивать немцев, я не имею никакой. Это ты прекрасно знаешь. Обо всем поговорим при встрече. Пока все, моя дорогая!

09.06.45 г.

Лидка, сегодня я выписался из госпиталя и уезжаю в часть, где в первую очередь постараюсь по-

лучить отпуск. Тебе советую по возможности тоже ехать в Сергач, куда и я приеду.

16.06.45 г.

Я уже в части, но только не в той, где раньше служил. Устроился на ту же работу. Из госпиталя приехал благополучно и в срок. Насчёт отпуска домой у меня пока никаких надежд – придется слушать!

20.06.45 г.

Лидка, пишу тебе из заброшенной среди лесов и разбитой (без жителей) неизвестной немецкой деревушки, куда забросила моя военная жизнь. Я снова в части и снова командую батареей, но это не удовлетворяет, так как здесь мало порядка, все однообразно и скучно, у всех чехомоданное настроение. Ох, Лидка, Лидка!!! Лето в полном разгаре. Кругом все цветет и развивается! Вокруг – жизнь! Хочется до боли в сердце жить, учиться в институте, творить полезное для людей, встретиться с тобой и вместе радоваться нашей молодости. Лидка! Нам с тобой по 22 года! А это так мало!

А затем было счастливое возвращение в родной Сергач и долгожданное воссоединение двух любящих сердец, переживших испытание, как казалось им обоим, нескончаемыми военными буднями.

С заместителем редактора газеты «Ленинское знамя» (тогда она именно так называлась) Н. М. Дикарёвым мне приходилось встречаться на межрайонных журналистских летучках (я в то время возглавлял отдел писем в Краснооктябрьской районке). Мне всегда нравились компетентная конкретика его выступлений по актуальным журналистским проблемам, чёткие ответы на заданные вопросы коллег. У меня даже снимок сохранился с одной из таких летучек, где я на переднем плане с блокнотом по какой-то проблеме выступаю. А сзади меня (справа) Н. М. Дикарёв сидит, по выражению лица можно предположить, что недоволен он доводами выступающего. И, конечно же, в тот день досталось на орехи молодому журналисту от ветерана.

До последних своих дней он возглавлял районный совет ветеранов войны и труда, всегда заботясь о людях старшего возраста и молодёжи. Ему всегда хотелось, чтобы отцы и дети понимали друг друга, преумножали и свято берегли славные традиции нашего героического народа, олицетворением которого был он сам и его соратники.

В день его смерти в моём поэтическом блокноте появились эти строки:

К тебе домой я больше не приду,
И ты совсем не будешь обижаться...
На лестнице крутой уже не жду
У двери, что под номером двенадцать...

*И сам прошу я правильно понять,
Что жизнь и солнце – утро и закаты,
Что только смерть умеет убеждать:
Оно взойдёт, а люди – без возврата...*

*Но память будоражит снова речь,
Души порыв, твоё живое слово,
На «демократов» как бы подналечь
И откровенностью раздеть их снова...*

*Но зная цену всех прожитых лет,
До самого последнего момента
Был горд величием сталинских побед
И личным поздравленьем президента.*

*Но «я прошу вас правильно понять»...
Судьба страны – как высшая награда.
Спасибо: научил соизмерять
Истоки культа с маршами парада,*

*В ошибках находить не только боль,
А опыта житейского крупницы.
Как лейтенант, одну ты видел соль:
Снаряд в воронку дважды не ложится.*

В памяти до мельчайших деталей всплывают стиль его общения, манера поведения и любимая фраза: «Прошу вас правильно понять», которую я и вынес в заголовок.

Александр ЩЕРБАКОВ,
г. Сергач Нижегородской области